

из Голливуда вышел чингизид

как в Казахстане снимается большое кино

антон доли

В Казахстане, в двух часах езды от Алма-Аты, посреди вполне еще диких степей снимается настоящее голливудское кино — высокобюджетный зрелищный проект «Кочевник». Автор сценария Рустам Ибрагимбеков написал притчу, вдохновившись трехсотлетней давности историей казахских ханов, а продюсер Милош Форман подключил актеров и специалистов со всего мира. На съемочной площадке удалось побывать обозревателю Газеты.

гуляет по степи американец

Вполне цивилизованное шоссе, идущее по Казахстану от столичной (не по факту, так по внешнему виду) Алма-Аты, в какой-то момент меняется на пыльную дорогу, где двум машинам не разъехаться: со всех сторон, в какое окно ни гляди, степь. Вряд ли пейзаж кардинально отличается от того, каким он был лет триста-пятьсот назад. Поэтому почти не удивляешься, когда еще через час из-за очередного поворота за горой встает древний город, глинистый Туркестан с расписными воротами и зубчатыми стенами. На крепостных башнях видно какое-то далекое движение — кто-то, похоже, сражается с кем-то на кривых саблях. Слева степное озеро, на том берегу нависают живописные утесы. Справа горная гряда, а склонах пасется смешанное стадо из баранов, коров и лошадей. Кто-то в потертом халате (видимо, пастух) лениво ходит вокруг. В двух загонках скачут верблюды: в одном совсем белые, в другом потемнее. Их сюда доставили из города, остается только гадать — на транспорте или сами дошли, приобретя по дороге необходимо потасканый вид. Лошади мирно ютятся под навесом, совсем рядом с ними — автомобильный парк и автофургон с туалетом. Актерские трейлеры — где-то за горным перевалом. По тропинке бредет с независимым видом древнеказахский батыр в полном облачении. Ржавые кружева на городских воротах, раскрашенная вручную плитка, которой выложена центральная башня, — все сделано из фанеры, но даже с близкого расстояния этого не скажешь. Вокруг Туркестана — череда редких юрт, на подходе к городу базар с развалами подозрительно чистых баклажанов, тыкв и луковиц. Сидя на корточках, варят что-то в здоровенном закопченном котле подростки в национальных костюмах и непременных шапках. Бодро приплясывая по осенним заморозкам, бродят туда-сюда американцы в разноцветных куртках, и тоже мало кто отважится расхаживать с непокрытой головой: одни в несуразных бейсболках, другие — в капюшонах. Нервно скачет на лошади из стороны в сторону каскадер. Навстречу ему переваливается по бездорожью новенький джип.

Все готовятся к очередной сцене. Подходит к концу второй месяц съемок фильма «Кочевник», и это уже третья съемочная площадка. Беспрецедентный по масштабу не только для казахского кино, но и для всего постсоветского пространства, проект запущен больше года назад. Связующим звеном между именитым заказчиком — президентом Казахстана — и остальными участниками стал именитый кинодраматург Рустам Ибрагимбеков. Продюсером с американской стороны выступил сам Милош Форман, который, правда, в отличие от Ибрагимбекова на площадке нечастый гость. Молодая голливудская компания Bergman Lustig Gallery Productions, известная нам в основном по стрип-мелодраме Майкла Рэдфорда «Танцы в «Голубой Игуане», выступила как производитель фильма наравне с «Казахфильмом». Ориентировочный бюджет — 24 млн. долларов (для сравнения: в «Сибирском цирюльнике» он составлял 35 млн. долларов, а в среднестатистическом российском фильме редко переваливает за миллион). Создатели фильма всерьез планируют «отбить» потраченные деньги. Если и не в Казахстане, где прокатная система находится в стадии активного развития, то в мировом прокате. Ценят же там, в конце концов, японскую и китайскую экзотику! А чем древние кочевые казахи, потомки Чингисхана, по-прежнему чингизиды, хуже?

«никогда до сих пор не садился на коня»

В Казахстане гордятся интернационализмом, сознательно его пропагандируют. С одной стороны, каждый разбирается в тонких вопросах генеалогии — милейшая интеллигентная и в высшей степени вменяемая врач, составившая мне компанию по дороге со съемочной площадки, абсолютно серьезно роняет реплику: «Я по отцу от Аблай-хана, о котором этот фильм, происхожу, и по той же линии — от Чингисхана». С другой — любой склонен гордиться самыми невероятными кровями, текущими в его венах. Вот и кино, не только по понятным конъюнктурным соображениям, но и из уважения к межнациональному духу

Марк Дакаскас после роли индейца-каратиста в «Братстве волка» запросто сыграл воинственного казахского кочевника Шарыша. Фотограф: Марк Клейтон

Голливудские актеры Марк Дакаскас (слева) и Джейсон Скотт Ли (справа) в «Кочевнике» вынуждены соревноваться в правдоподобию с казахскими шаманами, разъезжающими верхом на верблюдах. Фотограф: Марк Клейтон

снимается на современном «эсперанто» — английском, а древних казахов играют голливудские актеры. Вместе с ними — современные казахи. Может, съемочную группу и собирали с миру по нитке, но результаты впечатляют. Режиссер Иван Пассер, известный в Америке, где давно живет и работает, чех по рождению, давний друг Милоша Формана, соавтор сценариев его первых (и, по мнению многих, лучших) фильмов: «Черного Петра», «Любовных похождений блондинки», «Бала пожарных». Первый ассистент режиссера Гари Маркус работал, ни много ни мало, в «Перевале Миллера» братьев Козлов, а потом и в «Покидая Лас-Вегас», и в «Остине Пауэрс-2», и даже в экспериментальном «Тайм-коде» Майка Фиггиса. Оператор Ульрих Штайгер снимал «День Независимости», «Годзиллу» и «Патриота» Роланда Эммериха. Художник-постановщик Крека Клякович ставил лучшие фильмы Эмира Кустурицы, «Время цыган» и «Аризонскую мечту», получил «Эмми» за телефильм «Распутин» и сразу несколько призов (самый престижный из них — французский «Сезар») за «Деликатесы» Жене и Каро. Художник по костюмам Майкл О'Коннор одевал Гарри Поттера, и казахские дети специально приходят на него посмотреть. Тем более что он и внешне похож на своего героя. С ним вместе придумывала костюмы Мэрит Аллен, работавшая с Кубриком на «Широко закрытых глазах». Монтажер Джон Скотт резал «Сексуальное животное» и «Тихого американца». Сын Чака Норриса, Эрик Норрис, отвечает за трюки. Пока же можно наблюдать воочию чудеса, сработанные координатором по спецэффектам Ивом де Боно, работавшим в «Интервью с вампиром», «Жизни Дэвида Гейла» и «Перл-Харборе», о котором, впрочем, он умоляет меня не спрашивать: надоед. «Много нового для меня в этом проекте, безумно интересный период... — признается Ив,

пытаясь одновременно разоблачиться с кочевым арсеналом и внимательно исследуя изготовленные по его указаниям лук и стрелы. — Чтобы все выглядело подлинным, надо потрудиться: это вызов для профессионала любого уровня. Впрочем, я и книги использовал по казахской истории, и фантазировал немало. Например, я решил, что в сцене осады, чтобы не обходиться кипящим маслом, которое льют со стен защитники города, лучше использовать «жидкий огонь». Здорово смотрится!» Кстати, главное веселье ожидает Ива в конце съемок: тогда фанерно-глиняный Туркестан будет торжественно взрывать. Любопытна ситуация и с актерами: рядом с казахскими заслуженными звездами (а также многообещающими новичками) снимаются голливудские актеры. Это в первую очередь чемпион в области различных боевых искусств Марк Дакаскас, уже экспериментировавший с имиджем во французском «Братстве волка», а теперь и вовсе сыгравший жестокого кочевника воина по имени Шарыш; не менее смелую авантюру предпринял, согласившись на съемки в «Кочевнике», Джейсон Скотт Ли. Этот актер, получивший известность после роли Брюса Ли в «Драконе», совсем недавно играл Маугли в американской «Книге джунглей», а теперь ему поручили воплотить образ казахского мудреца-провидца. Я застаю Джейсона на съемочной площадке: пока Норрис-младший вместе с казахским коллегой тренирует пяти-восьмилетних детей в искусстве поединка на деревянных мечах, их наставник по сюжету, бывший Маугли и Брюс Ли, отогревается в красном пуховике, накинутом поверх красного халата «под старину».

«Я никогда не бывал до сих пор в Центральной Азии, — горделиво заявляет Скотт Ли, отвлекаясь на секунду от репетиции. — И никогда до сих пор не садился на коня! Так много неожиданного в этой стране, это абсолютно новый мир для меня. Никан не могу насытиться

этой культурой, которую с каждым днем начинаю понимать все лучше. Тут, в Казахстане, потрясающе красиво. Ничего нет лучше натуральных съемок». Кроме того, актер буквально влюблен в учителя Ораза, которого он играет: «Когда я впервые прочитал сценарий, я подумал, что ничего не может быть лучше роли Ораза, но не надеялся ее получить — мой персонаж должен быть куда старше, чем я. Однако в результате мне повезло». Режиссер фильма Иван Пассер отрывается от съемочного процесса только на обед, и мне удается задать ему несколько вопросов во время еды, пока заокеанский гость насыщается похлебкой и пловом: «Первой причиной, заставившей меня согласиться, стало приглашение Рустама Ибрагимбекова, которого я очень уважаю. Этот проект настолько необычен для меня... что меня, честно говоря, и привлекло. Когда я не снимал экзотических или масштабных исторических фильмов, хотя люблю их смотреть, будь то «Лоуренс Аравийский» или «Патриот». Я больше ориентировался на американскую, а не, скажем, китайскую традицию: то, что сегодня делают в Китае, слишком прекрасно, чтобы мы могли с этим соревноваться. Мне же интереснее двигаться в сторону реализма, попытаться разоблачиться, как все происходило и выглядело на самом деле. Например, показать, что юрты вовсе не были примитивными жилищами!» Интересно, что, по мнению режиссера, фильм можно было бы снимать и на казахском, исключительно с казахскими актерами. Однако, по всей видимости, продюсеры решили не рисковать: задействовать тех актеров и использовать тот язык, который сразу сможет понять международный зритель.

нетрудно стать кровавым

Героя этой истории вообще-то зовут Мансур, но к финалу, выполняя свою миссию,

скую функцию и освобождая народ от врагов — кочевников-джунгар, — он получает новое имя, под которым останется в истории: Аблай. Деда Мансура звали Аблаем Кровавым, а он просто Аблай. Если ему и удалось оправдать вместе с именем прозвище деда, то значительно позже, и это осталось уже за рамками рассказанной в фильме красивой легенды. Назарбаев и Ибрагимбеков, пожалуй, поступили умно, выбрав не Чингисхана, к которому до сих пор в мире сохраняется отношение, мягко говоря, неоднозначное, а не известного никому за пределами Средней Азии Аблая. Не раскрывая секретов достаточно увлекательной интриги, можно констатировать, что фбула отвечает традиции именно китайского исторически-мифологического кино, от которой так активно отщепляется постановщик. Невозможно стать сильным и победить врагов, не обогрив руки кровью, и для победы необходим не только лидер, но и жертва. Об этом говорили Чен Кайге в «Императоре и убийце» и Чжан Имоу в «Герое», об этом же написал Ибрагимбеков в сценарии «Кочевника». С какой степенью адекватности мировым стандартам масштабного постановочного кино будет решена задача собранной со всего мира съемочной группой, пока сказать трудно: готова и смонтирована вчерне едва ли треть материала. Съемки продолжатся как минимум до середины зимы, и фильм будет готов при самом благоприятном раскладе только через год. Уже готовые фрагменты позволяют утверждать, что картина получится как минимум впечатляющей с изобразительной точки зрения, внушающей уважение и интерес хотя бы своим масштабом — беспрецедентным для отечественного кино. К которому, впрочем, «Кочевник» почти уже не имеет отношения. Может, это и к лучшему.